

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Миссонова Л.И.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334, Россия
E-mail: missmila@iea.ras.ru

ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ТУНГУСОВ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ «ИСТОРИЯ ЯКУТИИ»

Отмечается, что начались новые разработки в тунгусо-маньчжурских исследованиях благодаря задаче написания трехтомного труда «История Якутии». Делается вывод, что представление о тунгусской истории в целом и об истории малочисленных тунгусо-маньчжурских народов как о мощном движении, сыгравшем важную роль в освоении огромных территорий на Север и Восток, представляется актуальным. Акцентируется внимание на потенциале синтеза исследования лексики, фольклора, археологических и архивных артефактов.

Ключевые слова: Якутия, тунгусо-маньчжурские народы, кочевые культуры.

Введение

Благодаря задаче написания трехтомной «Истории Якутии»¹, поставленной Академией наук и Правительством РС (Я), а также Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, с 2014 г. начался новый виток развития фундаментальной науки в области изучения народов Якутии, включая тунгусо-маньчжурские. Разработанная концепция создания объемного труда позволила провести многоплановое изучение уже имеющихся исследований и по-новому осознать контекст существующих материалов предыдущих эпох [Ethnological and linguistical aspect..., 1931; Окладников, 1941, 1950; Алексеев, 2008; Певнов, 1985; Архивные материалы рукописного фонда ЯНЦ СО РАН; Василевич, 1961; Аврорин, 1956, 1957, 1960; Аврорин, Лебедева, 1978; и др.]. В результате привлечены новые архивные и иные источники, на которых ранее недостаточно акцентировалось внимание. Кроме того, в рамках данного проекта стали возможными полевые исследования в различных дальневосточных населенных пунктах, где и в настоящее время живут представители тунгусского сообщества, исторически связанные с тунгусо-маньчжурским населением Якутии. Экспедиционные выезды были организованы совместно Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Академией наук Республики Саха (Якутия). В одном из них принимала участие и автор данной статьи. Полевая, архивная и музейная работа проводилась по теме «Тунгусо-маньчжурские народы Дальнего Востока» (рук. А.Н. Алексеев) в сентябре — октябре 2015 г. в Хабаровском крае (г. Хабаровск, п. им. Полины Осипенко, п. Владимировка) и в Республике Саха (Хангаласский улус Якутии, г. Якутск). Изучались факты переселения тунгусских этнических общностей в процессе освоения жизненного пространства: при всей их малочисленности северные тунгусы активно продвигались по огромной территории речных артерий ДВ, в том числе через территорию Якутии, до острова Сахалин (в середине XX в. — до о. Хоккайдо). Собран материал по теме «Тунгусо-маньчжурские народы Якутии» в рамках научно-исследовательского и издательского проекта «История Якутии».

В процессе работы по проекту изучались неопубликованные рукописные материалы исследователей прошлого столетия. Так, необычайно информативной оказалась доверительная научная переписка С.М. Широкогорова и В.Л. Котвича, охватывающая период творчества ученых с 1924 по 1939 г., сохранившаяся в Рукописном фонде Научной библиотеки Польской академии наук и Польской академии знаний (Краков). Есть необходимость более подробно остановиться на этих письмах Широкогорова ввиду еще несостоявшейся их публикации². Большое значение для тунгусоведения имеют экспедиционные материалы и рукописи (лишь частично опубликованные) личных архивов Г.М. Василевич и И.С. Гурвича, хранящиеся в Библиотечно-инфор-

¹ Труд находится на завершающем этапе подготовки выхода в свет в издательстве «Наука» в Новосибирске.

² Данные письма М. Широкогорова В.Л. Котвичу будут опубликованы в ближайшие годы в рамках совместного проекта по изучению наследия С.М. Широкогорова МАЭ РАН, ИЭА РАН, ИГИИПМНС СО РАН и Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия).

мационном фонде документов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), а также коллекции тунгусских материальных предметов, собранные С.М. Широкогоровым столетие назад (МАЭ РАН). Изучение данных источников находится далеко не на завершающей стадии. Многие найденные важные материалы не вошли в публикацию трехтомного издания. Но именно подготовка этого труда побудила к их изучению, и его необходимо продолжить. При написании главы о северных тунгусах Якутии выявилась нехватка современных этнологических трудов (в области материальной культуры, сопоставления различных сфер тунгусской культуры и др.). Цель данной статьи — обратить внимание на возможные, не в полном объеме использованные, источники, а главное — на необходимость комплексного изучения имеющихся полевых, архивных и иных материалов для современных тунгусоведческих исследований.

Изучение тунгусских народов в новом трехтомном издании «История Якутии»

В общем русле истории народов Якутии (в соответствии с общей концепцией «Истории Якутии») изложение всего имеющегося материала возможно с точки зрения традиционного этнографического подхода к изучению различных сторон жизнеобеспечения не только каждого народа отдельно, но и, в частности, северных тунгусов в целом.

Освоение и хозяйственно-культурное преобразование пространства кочевыми тунгусо-маньчжурскими пракультурами активно происходило в процессе движения на Север (пример — Эвено-Бытантайский улус Якутии) и на Восток (причем ДВ, включая островную территорию РФ). Тунгусо-маньчжурские народы России попали в категорию «северных» именно в ходе пути, ориентированного на покорение соответствующих территорий. Очевидно, что они выработали уникальную школу адаптации своей культуры к природным условиям северных пространств.

Адаптация культуры по языковым данным. Известно предположение российского лингвиста А.М. Певнова, что все продолжатели пратунгусо-маньчжурского языка имели представление о коневодстве (в их лексике есть слова, обозначающие «сено», или «сухую траву»), а, видимо, позднее об оленеводстве [Цинциус, 1971]. Во всех тунгусских языках известно наименование домашнего оленя *ого(н)* (в удэгейском и др. — заимствовано из тунгус. яз.), а в уильтинском и ороческом есть иное название, «*ulaa*» [Певнов, 2008, с. 78; Ikegami, 1997, p. 118, 119, 218 et al.]. А.М. Певнов делает важный вывод, что общим для всех тунгусо-маньчжуров занятием была охота, которая «наряду с генетической общностью языков» стала объединяющим фактором, к примеру, оленеводов-эвенков, рыболовов-нанайцев и земледельцев-маньчжуров [2008, с. 81].

Рис. 1. Я. Рау. По дороге домой. Николаевск-на-Амуре, Муниципальный архив Николаевского района, 2015 г. Фото Л.И. Миссоновой.

Fig. 1. Ja. Rau. On the home way. Municipal archive of the Nikolaev district, Nikolaevsk-on-Amur, 2015. Photo by L.I. Missonova.

Специфика адаптации скотоводческой культуры. Покорение тунгусскими народами пространств Севера происходило не так, как у якутов. Уникальность якутской культуры состоит в практике преобразования пространства в процессе адаптации скотоводческой культуры [Такакига, 2015]. Коневодство якутов было приспособлено к крайне суровым условиям северной природы. Уникальность же тунгусской адаптации проявилась по-иному: произошел отход от использования коня, чему есть подтверждения в многопоколенной памяти тунгусов (отраженной в фольклорных текстах), и активное внедрение в культуру жизнеобеспечения оленя (рис. 1–4). Причем одомашнивание оленя шло вовсе не по пути разведения табунного оленеводства: для этого не было и естественной возможности на тех территориях, которые приходилось осваивать тунгусским народам. Олень стал играть важнейшую роль в качестве средства передвижения. И именно маневренность передвижений за счет использования оленя позволила мобильно осваивать пространства ДВ. Применение верхового оленеводства расширяло и временные границы сезонной охоты. Очевидно, что в ходе адаптации культуры тунгусские народы были лишены возможности заниматься земледелием, что отличает их от этнических «собратьев» земледельцев-маньчжуров [Певнов, 2008]. Эти же положения высказывал в 1929 г. С.М. Широкогоров: «...северные тунгусы являются или были охотниками и оленеводами, тогда как южные тунгусы, живыми представителями которых являются маньчжуры,— земледельцы, для которых охота, рыбная ловля и разведение домашних животных не имеют первостепенного значения. С лингвистической точки зрения все северотунгусские диалекты, несмотря на разделяющие их значительные расстояния, настолько близки друг другу, что общность их происхождения устанавливается сразу же» [2017, с. 236].

Продвижение по рекам. Активизация продвижения тунгусских этнических общностей в процессе жизненно необходимого освоения пространства происходила в первую очередь по речным артериям ДВ. Освоение пространства именно системы рек — это характерная особенность тунгусских народов. При этом хорошо известно, как тщательно использовалось все возможное пространство и крупных рек, и самых мелких притоков. Весь жизненный цикл тунгусских общностей происходил в речном ландшафте (подробнее см.: [Ермолова, 2007; Лаврилье, 2010]). Расселение по рекам до сих пор служит тунгусским кодом родства в многопоколенной памяти. Образ реки отражен как в традиционном для прошлых веков орнаменте, так и в современном прикладном искусстве.

Рис. 2. Фотооткрытка «Тунгузы на оленях». Николаевск-на Амуре, начало XX в.
Fig. 2. Photo card “Tungus on deer”. Nikolaevsk-on-Amur, the beginning of the 20th century.

Взаимодействие культур. В ходе познания пространства происходит естественное освоение разных экологических ниш этническими культурами, практикующими различные формы и виды хозяйственной деятельности. При этом взаимопроникновение и взаимообогащение культур непременно соседствует в ходе изучения новых, а затем и освоенных территорий. Первые контакты населения Якутии раннего железного века с приамурскими племенами предположи-

тельно можно отнести ко II–VIII вв. н.э., а взаимовлияние этнокультурных систем Якутии и Дальнего Востока фиксируется с неолита [Алексеев, 1996; Бравина, 2014, с. 226]. Основываясь на исторических преданиях и археологических изысканиях, Р.И. Бравина выявляет факты существования в XVI–XVIII вв. межэтнической брачной связи дюпсинских, мегинских и усть-алданских якутов с тунгусскими родами [Бравина, 2015]. Причем речь идет о тунгусских общностях как Китая (с земли Тонгус Молды), т.е. находящихся на Амуре к востоку от Якутии, так и самого побережья Охотского моря. На протяжении веков создается уникальный синтез кочевых культур, благодаря которому происходит активное расширение границ освоенных северных пространств. Можно заметить также, что тунгусской культуре было суждено *вторичное познание и освоение коневодства* (уже при оседлом образе жизни) именно при тесном хозяйственно-культурном контакте с якутской скотоводческой традицией.

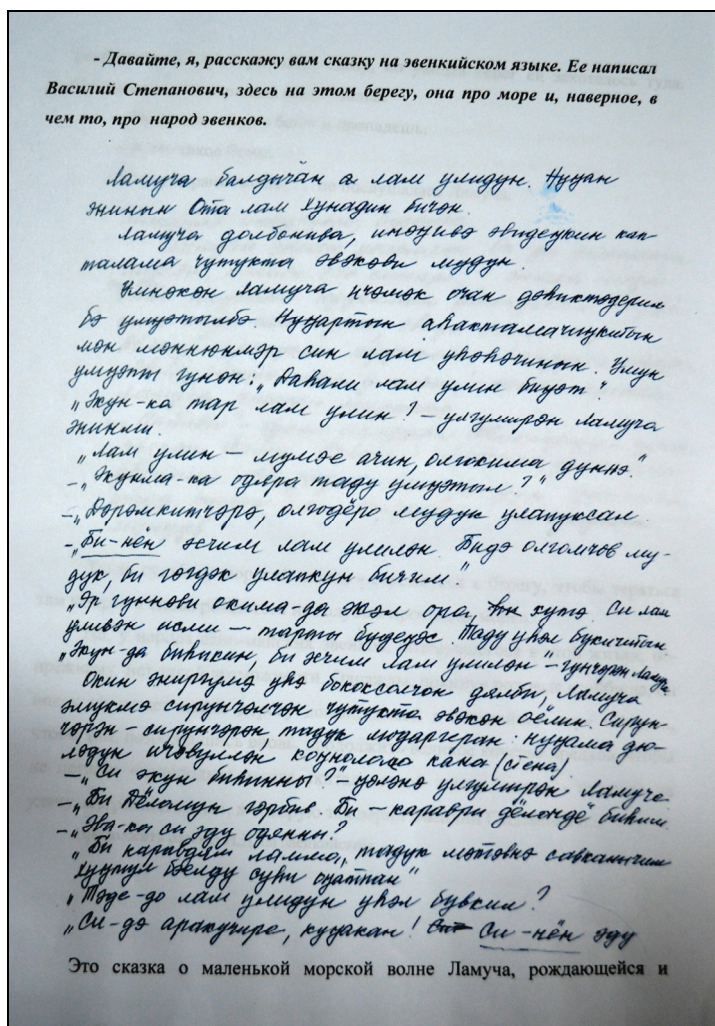
Рис. 3. Схематическая карта Кербинского района с указанием фактического пользования ягельными угодьями, 1937 г. Документ Муниципального архива Николаевского района. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 112. Фото Л.И. Миссоновой, 2015 г.

Fig. 3. A schematic map of the Kerbinsky district of the actual using of the reindeer land, 1937. The document of the Municipal archive of the Nikolaev district. Photo by L.I. Missonova, 2015.

Вопросы скотоводства и землевладения. Обратим внимание на то, что происходит с отношением тунгусской культуры к скотоводству и земледелию на территории Якутии. Как отмечалось выше, при освоении дальних пространств земледелие и скотоводство не были насущно необходимы для носителей кочевых тунгусских культур. Однако, как пишет в 1957 г. проф. Г.П. Башарин («Скотоводство и земельный вопрос у тунгусов Якутии в последней трети XVII — первой трети XIX в.» [Национальный архив РС (Я). Ф. 1457, оп. 2, д. 199, л. 13–15]), у тунгусов Якутии, которые осваивали скотоводческую культуру, естественно возникал земельный вопрос, а точнее, вопрос о сенокосах и пастбищах для рогатого скота и лошадей. Но царское правительство смотрело на тунгусов Якутии как на вечных оленеводов, охотников и рыбаков, ведущих бродячий образ жизни. Никакого государственного законного права на владение сенокосными и пастбищными угодьями у тунгусов не было (в отличие от якутов). Башарин также отмечает, что

Изучение северных тунгусов в академическом проекте «История Якутии»

к первой трети XIX в. немногим менее половины тунгусов Якутии занимались в разной степени разведением рогатого скота и лошадей, а часть тунгусов Амурской области, Иркутской губернии, Забайкальской области и других южных районов Сибири в XVIII–XIX вв. — в большей мере скотоводством. Некоторые, как пишет Башарин, даже приобщались к земледельческой культуре.

Рис. 4. В.С. Константинов «о великом кочевье предков». Сказка аяно-майских эвенков (на эвенк. яз.). Материалы экспедиции Л. Миссоновой и Е. Алексеевой, п. им. Полины Осипенко Хабаровского края, 2015 г.

Fig. 4. V.S. Konstantinov “about the great nomadic ancestors”. Tale of the Aiano-May Evenks (manuscript in Evenk Language). Personal archive of the author, Khabarovsk region, 2015.

Новое прочтение трудов российских классиков

Одной из самых дискуссионных является тема определения истоков зарождения народов. Анализируя гипотезу неолитического возраста современных народов [Окладников, 1941], В.П. Алексеев писал, что несмотря на значительное развитие конкретных этногенетических исследований теоретическая литература по этногенезу остается довольно бедной, а совершенно правильные указания на необходимость комплексного подхода к проблемам этногенеза носят общий характер и не проясняют путей использования и комбинирования отдельных исторических источников в этногенетических целях. «Не составляет исключения и антропологический материал: много писалось о несовпадении границ распространения антропологических и лингвистических, антропологических и историко-культурных общностей [Дебец, Левин, Трофимова, 1952], но формы их взаимодействия на разных этапах истории человечества еще предстоит исследовать» [Алексеев, 2008, с. 436].

Характеристика этногенетического процесса, по мнению В.П. Алексеева, должна быть исследована по отдельным ее составляющим. «К числу этих составляющих можно отнести многокомпонентность любого этногенеза, характер сопряженности во времени формирования антропологических, лингвистических и историко-культурных особенностей складывающегося нового народа, соотношение этногенеза с экологической средой, понимая под последней и социальные, и природные ее аспекты. Наконец... длительность... становления [народов] и хронологическая приуроченность к той или иной эпохе истории человечества» [Там же]. В.П. Алексеев подробно анализирует и доказательно критикует известную полемику между А.П. Окладниковым и М.Г. Левиным [Окладников, 1950 и мн.др.; Левин, 1958], которые отстаивали идею истоков этногенеза тунгусоязычных народов (Окладников) или юкагиров (Левин) в неолитических популяциях Прибайкалья. В.П. Алексеев обращает особое внимание на *недопустимость самой этой полемики*, происходящей при уверенности обоих названных ученых в неолитических корнях народов, так как в этих и иных подобных точках зрения были «оставлены без достаточного внимания многочисленные зафиксированные палеоантропологические факты обширных древних миграций, в ходе которых на территории Сибири появлялись большие массы нового инородного по происхождению населения» [Алексеев, 2008, с. 437, 440]. Отстаивая позицию о невозможности считать неолитическое население Прибайкалья основой этногенеза тунгусо-маньчжурских народов и юкагиров, В.П. Алексеев не исключает возможности участия в этом процессе неолитических популяций других территорий. Например, черепа из Шилкинской пещеры [Левин, 1953] и пещеры Чоротвы ворота в Приморье [Балуева, 1978] были диагностированы как принадлежащие представителям байкальской расы, черты которой и сейчас характерны для тунгусо-маньчжуров и юкагиров.

В.П. Алексеев считает сомнительным рассматривать этногенез вышеназванных народов даже в эпоху ранней бронзы (Шилкинская пещера) [2008, с. 440]. Отличительные морфологические признаки каждого народа сложились в более позднее время. Ученый делает вывод: «...о неолитическом периоде формирования антропологического состава подавляющего числа коренных народов Сибири не приходится говорить, его формирование приходится на конец I тысячелетия до н.э. — I и начало II тысячелетия н.э. Есть все основания думать, что этногенез современных народов Сибири датируется преимущественно тем же отрезком времени» [Там же, с. 441]. В связи с акцентированием В.П. Алексеевым *необходимости комплексного подхода* к исследованию уместно вспомнить позицию С.М. Широкогорова. Изучение наследия С.М. Широкогорова, как справедливо отмечает А.М. Кузнецов, «показывает, что он фактически разработал методологию реального *постдисциплинарного* анализа, показав, что реальный, а не произвольный синтез всех этих данных возможен только благодаря “сильной” теории, позволяющей создать целостное представление о изучаемом явлении. Такая теория создается не в рамках отдельных дисциплин, а носит более общий характер, хотя и верифицируется эмпирическими данными» [2019, с. 86].

В настоящее время вводятся в научный оборот многогранное письменное (до сих пор не опубликованное, хранящееся в архиве Якутского научного центра) наследие, многолетние теоретические изыскания Г.В. Ксенофонтова, который высоко оценивал вклад кочевых народов в пространственное движение. Он также, анализируя «якутское черное шаманство в составе скотоводческой культуры якутов», высказывал предположение о контактах древнего якутского общества с аборигенным населением Амура, Маньчжурии и вообще Сибири [Архив ИГиИПМНС. Ф. 4, оп. 1: Рукописные материалы Г.Ф. Ксенофонтова]. Большой интерес представляют неопубликованные труды Г.М. Василевич (хранящиеся в МАЭ РАН и библиотечно-информационном фонде документов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)). Г.М. Василевич высоко оценивала значительный вклад супругов Широкогуровых в изучение северных тунгусов (она опиралась на работы С.М. Широкогорова, опубликованные в 1919, 1923, 1926, 1929, 1934, 1935 гг.; вела переписку с Сергеем Михайловичем в 1935 г. и др. [Архив В. Котвича, т. 7, л. 64]) и отмечала, что «Широкогуров первым попытался изложить свою гипотезу об этногенезе тунгусоязычных народов... Его этнографические материалы по эвенкам с бассейна Витима и с правых средних притоков Амура очень ценны» [1961, л. 32, 36, 79–82]. Как предполагал С.М. Широкогуров, первичный очаг формирования предков северных тунгусов располагался в бассейнах рек Хуанхэ (р. Желтая) и Янцзы, а точнее, это тот район, «который образован низменностями и возвышенностями Северного и Центрального Китая, т.е. местностями по среднему и частью нижнему течению рек Желтой и Янцзы». При этом Сергей Михайлович подчерки-

вал: «Я не утверждаю, что пратунгусы на территории Китая представляли собой абсолютно чистую антропологическую основу. Вполне возможно, что они уже успели смешаться со своими соседями. Интересно отметить, что, согласно маньчжурам, у проживающих в Маньчжурии северных тунгусов есть нечто общее с населением Южного Китая» (подробнее см.: [Широкогоров, 2017, с. 239–241, карты на с. 245–247; Туров, 2008, с. 23–25]. Миграция предков тунгусов, по представлению С.М. Широкогорова, шла через Маньчжурию в Сибирь, «которая тогда не была столь густо заселена» (с. 240). Она могла проходить в таких районах, которые были бы пригодны для оленеводов, а именно: «Витимское плоскогорье, Маньчжурское плоскогорье и Амурская область, особенно в верхнем течении рек Зеи и Буреи». «Естественным концом всех возможных миграций оленеводов» Сергей Михайлович справедливо считал северную часть «Приморской области, занятой горами Сихотэ-Алинь и островом Сахалин» (с. 248). С.М. Широкогоров обращал внимание, что при этом нам неизвестно, как давно оно [*т.е. оленеводство — ред.*] было открыто или заимствовано сибирским населением» (с. 244; подробнее о миграциях см.: с. 248–275).

В переписке с В. Котвичем С.М. Широкогоров сетует на то, что так и не были опубликованы его «первые работы: по антропологии Тунгусов и Этнографии Заб. Тунгусов (орочен), принятых акад. Наукой к печати в 1912 и 1913 гг.» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 77–78]. Он проводит многочисленные сравнения тунгусских диалектов с «маньчжурским», монгольским и якутским языками [Там же, л. 70], а также лингвистические и исторические сравнения среди языков северных и южных тунгусов [Там же, т. 7]. Все свои изыскания ученый постоянно держит под строгим самоконтролем, так как процесс сложения, выделения и переплетения тунгусо-маньчжурских народов был крайне сложен: «Как узнать, где конвергенция и где заимствование, коль скоро они могли друг друга перепокрывать много раз? Даже теперь в тунгусском я наблюдал такое вторичное перепокрывание, равно как и недавние утери... Выделить истинно тунгусское не всегда можно даже при принятии гипотезы, что такое “тунгусское” было. Поэтому я все время стараюсь держать себя в узде в отношении бессознательного приятия непроверенных гипотез, а в то же самое время не упускать из виду ряд методологических положений, полученных на языкознании и в других областях» [Там же, л. 51].

Интенсивную интеллектуальную обработку материала С.М. Широкогорова, включая прежде всего его собственные полевые сборы, отмечал еще В. Мюльман в некрологе, написанном в 1940 г. Заметим, что работа С.М. Широкогорова по миграции северных тунгусов в известном некрологе определена как одна из четырех основополагающих [Мюльман, 2002, с. 145, 146, 154]. Широкогоров предпринимал массу усилий, чтобы следить за академическими публикациями после свершившейся революции и предельно досконально изучал то, что удавалось получить от коллег с родины (чему свидетельством вся вышеназванная его переписка с В. Котвичем).

Ученый фактически поставил перед читателем вопрос, который продолжает быть крайне актуальным: в какой степени возможно доверять академическим трудам того времени, например изданным картам? В апреле 1932 г. ученый с горечью пишет об «Этнографической карте», «изданной Комиссией Академии наук», описывает полную неразбериху: «...вся картина “народов” оказывается весьма условной и запутанной», «поистине поразительно рутинерство!». Он отмечает массу географических и исторических ошибок, некорректность в отношении обозначения расселения и наименования народов, отсутствие привязки к конкретному времени и мн. др. Особенное внимание Сергей Михайлович проявляет к тунгусоведческим данным на карте: «Например, дауры почитаются “тунгусами”... нерченские тунгусы — “ороченами”, в то время как баргузинские — “тунгусами” [это идеи местной полицейской администрации и административно ссыльных революционеров!...]»; «рр. Таун и верховья Номин оказываются занятыми китайцами, в то время как они заняты даурами и разными тунгусами...; районы гиринской провинции, занятые фактически маньчжурами, указаны как занятые китайцами». В итоге Широкогоров пишет о составителях карты: «Зачем же было полагаться на интуитивное влечение руки, вооруженной кистью, коль скоро можно было справиться в “книжках”?». Он характеризует это как «общее падение научной дисциплины в условиях коммунизма», «появление в свет... нового опозоривания Академии и русской науки!» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 47–49]. Вышеприведенные высказывания С.М. Широкогорова наводят на мысли о крайней некорректности использования подобных карт, выпущенных в ту эпоху, «для фактического знания расселения этнических групп» [Там же, л. 49] в последующее время, включая современный этап расселения.

Кроме того, нельзя не обратить внимание на отношение ученого к материалам, собранным в первые десятилетия советской власти. В той же переписке Сергей Михайлович критически анали-

зирует, к примеру, «отчет Васильева», изданный в 1930 г., «о работе среди Алдано-Майских и Аяно-Охотских тунгусов в 1926–1928 годах» [Там же, л. 41 об.]. Очевидно, что вопросы о достоверности этнологических источников, поставленные С.М. Широкогоровым, оказываются современны спустя столетие, в XXI в.

Новое прочтение архивных документов. В контексте взглядов С.М. Широкогорова «свежими» могут оказаться и архивные источники. К примеру, можно вспомнить властные «указы» того времени, такие как постановление ЦИК СССР от января 1931 г., когда было объявлено «завершение формирования малых народностей социалистического типа». Некоторые страницы тунгусской истории можно уточнить по материалам ГАРФа первой четверти XX в. [Ф. 3977, оп. 1, ед. хр. 54]³. Обратимся к «Докладам Якутского комитета Севера о снабжении тунгусов оленями и охотничьими принадлежностями» (датированным 4 декабря 1924 г.). В документах акцентируется внимание на том, что наличие ездовых оленей, охотничьего оружия и огнеприпасов обуславливает основные занятия тунгусского населения, дающие им средства к существованию (л. 4). В среде «всего кочующего населения безоленных тунгусских хозяйств» (а именно трех северных и трех южных округов: Колымский, Верхоянский, Булунский, Якутский, Олекминский и Вилюйский) насчитывается 43 % (в том числе 30 % — вообще не имеют оленей, а 13 % имеют от одного до двух оленей) (л. 6). Общая характеристика системы жизнеобеспечения «тунгусов» по округам представлена с выделением следующих групп: Нельканские тунгусы; тунгусы Майского ведомства; Намские тунгусы; Ваяганские тунгусы; тунгусы семи родов Кангаласского ведомства; тунгусы северных округов; Верхне-Колымские юагиры; тунгусы Олекминского округа; тунгусы Вилюйского округа; Хатанго-Анабарские обтунгусевшие якуты (л. 8–20 об.).

Территории расселения и занятия тунгусских общностей

Нельканские тунгусы: более тысячи человек, занимаются оленеводством, звероловством и рыболовством. «Не считая постоянные перекочевки из-за корма оленей и погони за зверьями, тунгусы имеют в год две массовые основные перекочевки». После весеннего сезона охоты они откочевывают к Охотскому морю в Аянский район для ловли рыбы на зиму. «Летом их стойбище располагается по рр. Улкон, Эйкан, Кокра, Комкара, Лантарь и др. Осенью перекочевывают на Нельканский район для охоты и кочуют в окрестностях речек Челисны, Ватома, Маймакан, Уй и их притокам» (л. 8).

Тунгусы Майского ведомства: около 1500 чел., кочуют «по системам рек Маи, Айма, Вер, Учюра, Маймакова, Батары, Батомы и др.». «В большинстве они ведут скотоводческое и даже земледельческое хозяйство, а также занимаются звероводством» (в документе отмечается, что они находятся в лучшем положении, чем тунгусы в Нельканском районе) (л. 8 об.).

Намские тунгусы: «Намскими тунгусами называется Ламухинский род, кочующий по северной части Якутского округа, гранича с севера Верхоянским хребтом, на юге рекою Леной и нижним течением р. Алдана, в числе 365 человек. Занимаются звероловством и оленеводством». Значительный заработок здесь тунгусам в прежнее время давало обслуживание транспортных нужд свинцовых рудников, а «в последнее время» — перевозка идущих из Якутска в Верхоянск грузов. «Намские тунгусы три года тому назад имели до 4000 оленей, в настоящее время не более 700 штук; в один год у них от копытицы пропало 1500 оленей» (л. 8 об.).

Ваяганские тунгусы: «Их три рода, в количестве более 700 человек. Гедниканский род кочует по Оймяконскому тракту, Мямялский род по реке Томпо около 400 верст от населенного пункта к северо-востоку от “Кре[о или с]-Халджом” и Тугулаано-Бараинский род кочует по реке “Делгяня”, от населенного пункта в 150 вер. Они занимаются главным образом звероловством, охотой на оленей, лосей и пушных зверей». Далее сообщается, что охотничье хозяйство в последнее время, в связи с гражданской войной, пришло к сильному упадку из-за отсутствия охотничьих ружей, огнеприпасов. «Спасаются от голодной смерти уничтожением последних ездовых оленей» (л. 8 об.).

Тунгусы семи родов Кангаласского ведомства: «Число тунгусов... до 1800 душ». В прежнее время высшим органом власти в ведомстве был съезд представителей тунгусских родов, созываемый в г. Якутске «в год один раз, обыкновенно, в первых числах августа», на котором решались вопросы общего руководства административной и хозяйственной жизни. На этом съезде выбирался «улушный голова и наследные князья», а также «возбуждались ходатайства перед областными органами власти о снабжении предметами первой необходимости на усло-

³ Грамматика и выделение слов в приводимом далее архивном материале сохранены в соответствии с оригиналом.

виях расчета в будущем пушниной». Заостряется внимание на том, что начиная с 1917 г. прекратилось правительственное снабжение. «Охотничьи ружья и олени отнимались военными отрядами; сокращение добычи зверей и прекращение снабжения продуктами сельского хозяйства вызвало массовое истребление оленей на пищу». (л. 8 об.–9).

Тунгусы северных округов: «В трех северных округах живут приблизительно 4000 человек тунгусов и юкагиров и более 1000 чукоч в Колымском округе. Занятие их как и в других районах — оленеводство и звероловство и, как подсобное, рыболовство... Причиной сильного сокращения оленей, кроме набега волков, гражданской войны, является массовый набег диких оленей /мялякыла/, которые осенью десятками и сотнями тысяч выходят из островов Ледовитого океана и весной возвращаются обратно и с ними уходят домашние олени» (л. 9).

Тунгусы Олекминского округа: численность «достигает до 1800 душ обоего пола». Они занимаются звероловством и «ведут бродячий образ жизни». Среди них нет грамотных людей, «шаманизм и знахарство занимают первое место». «Оленеводство прежде сильно развивалось у тунгусов Харарских и Олекминских, где отдельные хозяйства имели стада до 100, до 800 голов. После 1900 года оленеводство из года в год идет к сильному сокращению, вследствие появления волков и заразных заболеваний. В данное время всего оленей по району насчитывается около 3500 голов, что приходится на человека по два оленя» (л. 10–10 об.).

Тунгусы Вилюйского округа: тунгусов насчитывается приблизительно 2000 чел. «Большая часть живет в западной части», некоторые ведут оседлый образ жизни, занимаются «скотоводством, рыболовством и частично земледелием» (л. 10 об.).

«Хатанго-Анабарских обтунгусевших якутов» насчитывается 600 человек (л. 20). Также среди вышеназванных тунгусов описываются Верхне-Колымские юкагиры (л. 9–10).

В этом же контексте интересно обратиться к «Докладам уполномоченных тунгус собрания Ал. П. Нестерова и Т.С.[О?] Иванова членам Особой Комиссии В.Ц.И.К. по делам Охотского побережья 7 августа 1925 г.» «О присоединении Охотского побережья к ЯАССР» (л. 45). Показателен рассказ, «как один тунгус 100 лет назад, ездил через Якутию к Иркутскому Генерал-Губернатору просит оружия взамен обещал платить ЯСАК и др. сборы, а ружья оплачивать ПУШНИНОЙ». Делается вывод, что тунгусы «с Якутией связаны с давних времен. Тунгусы не сеют хлеба, не разводят скот — мясные продукты, масло и хлеб доставляются нам всегда из Якутии взамен нашей пушнины». Как следует из названного архивного источника, «тунгусы Аянского района кочуют в пределах Якутии и главным их занятием... является звероловство и все остальные промыслы — как то: рыболовство и пр., являются второстепенными». Тунгусы этого района только летом останавливаются около Охотского моря, для рыбной ловли. Центром тунгусского населения называется Нелькан. «Тунгусы Аяна и Нелькана являются неразрывными по образу жизни и территории охоты. Аяно-Нельканский район издавна управляется из Якутии, с которой имеет постоянную связь». Делается акцент на том, что управление Аянского и Нельканского районов «из Даль-Вост.» невозможно ввиду отсутствия «постоянной связи и тесного экономического, культурного и бытового единства», поэтому формулируется обращение: «мы тунгусы Аяно-Нельканского районов считаем необходимым — оставить Аяно-Нельканский районы за... Якутией и то же Охотского района».

Далее источник гласит: «Тунгусский съезд весною сего года, в присутствии представителей Охотского, Аянского, Нельканского районов, выставил свою волю о присоединении Охотского побережья. Действительно раньше Охотское побережье управлялось из Якутии, а затем царское правительство по настоянию Д.В. купцов, присоединил это побережье сперва к Приморской губ., Затем Комчатке, Сахалину и т.д. ...Невозможно управлять целым краем через Охотское море». Следует объяснение ситуации: «Раз в году высаживалась власть в Охотске, в Аяне ... Сов. Власть, находящаяся в Аяно-Охотском районах... насилия и грабежи... по своим размерам были гораздо шире и больше прошлых... [царских]». «С Якутией тунгусы имели тесную связь, сложившуюся в течении нескольких веков. В хозяйственном отношении Аяно-Нельканский районы снабжаются Якутией, через реку "Мая". Со стороны моря нет такой дороги, потому к снабжению невозможно».

Ситуация объясняется не только экономическими причинами, но и культурными связями: «...тунгусы с Якутией связаны бытом, нравом и наконец языком. Тунгусский язык потерял свое значение. Некогда один язык с нескольких наречьями, выродился в совершенно другие языки. Например, в Аяно-Нельканском районах насчитывается три языка, совершенно различные друг от друга и тунгусы с разных наслегов при встрече разговаривают на якутском языке, которого

знают все тунгусы». Делается вывод, что «тунгусы объякутились и с якутами составляют одну неразрывную нацию». «Таким образом, в административном, хозяйственном и национальном положении, население Охотского побережья неотделимо от Якутии и безусловно должно быть присоединено к Якутии».

20 октября 1925 г. Представитель Якутской автономной соц. сов. республики при Президиуме ВЦИК пишет «в Комитет содействия народностям Северных окраин» (л. 48): в Якутии бродячих и кочевых народов насчитывается до 35 033 чел. Сообщается, что эти народы (тунгусы, ламуты, чукчи, юкагиры, чуванцы и др.) «расположены по краям Якутии (что очевидно является результатом оттеснения их якутами в эпоху прихода и завоевания последними края): притундровая полоса Ледовитого океана, границы с Туруханским краем, Приморской областью, Амурской, Забайкальской губерниями, Бурят-Монгольской АССР. Уклад жизни, быта охотника, хозяйствования, за очень маленькой разницей у этих полубродячих народов — у всех одинаков».

В «Докладах и заявлениях уполномоченного 1-го Тунгусского съезда Охотского побережья при Дальне-Восточном ревкоме Карамзина И.В.» (1926 г., Москва) читаем [ГАРФ. Ф. 3977, оп. 1, ед. хр. 1157, л. 5–6]: «Меновой единицей в отношении калыма служит олень». «Религиозность развита среди стариков, но нельзя сказать, что все тунгусы религиозны. В уресе нередко есть икона. В большинстве религиозные праздники /Петров день, Николин день и др./ тунгус отдыхает, не идет на охоту. Священника теперь среди нас нет, /раньше были/, но зато его заменяет один тунгус, знающий по русски, который сам крестит детей и дает им имена».

Заключение

Приведенное архивное описание тунгусских сообществ подтверждает, что главное занятие тунгусов Якутии — охота («звероловство»), оленеводство вторично. Из документов неясно, каковы были форма и привычные размеры оленеводства. Рыболовство фиксируется как второстепенная, но практикуемая необходимая форма жизнеобеспечения. Однозначно в материалах докладов встречается понятие «тунгусы», нет упоминания этнонима «эвенки». К данной группе населения относят также «юкагиров» (верхне-колымских) и «обтунгусевших якутов» (хатанго-анабарских) именно по принципу сходства ведения хозяйства. В истории первой четверти XX в. находим точное подтверждение всем выводам, сделанным исследователями источников предыдущих столетий.

В первой четверти XX в. «калымом» (в широком понимании значения этого термина) служил «олень», а столетием ранее «ясак» выплачивался «пушшиной» («олень» вообще не фигурирует в описаниях того времени). Орудия охотничьего промысла воспринимались как первостепенные. Эти данные подтверждают прежде неоднократно делавшийся вывод о более ранней основе системы тунгусского жизнеобеспечения — охоте («звероловстве») и более поздней — оленеводстве. «Пешие» охотники на протяжении длительного периода истории оставались главными лицами, обеспечивавшими жизнедеятельность тунгусских общностей.

Вышеприведенное описание подчеркнуто характеризует тунгусов как чутко восприимчивых к иным культурам, обладающих исключительным умением вживаться в иноэтничную среду, активно влияя на нее и одновременно активно приспособляясь к ней. Полилингвизм тунгусов способствует восприятию иных культур. Характерна как «множественность» наречий тунгусского языка (вплоть до взаимного непонимания в территориально различных тунгусских сообществах), так и проблемное освоение и владение языком ближайших соседей — якутов. Представление о тунгусской истории в целом и об истории малочисленных тунгусо-маньчжурских народов России в частности как о мощном движении, сыгравшем огромную роль в истории освоения огромных территорий, является важным и актуальным.

Новым можно назвать прочтение трудов классиков российской этнологии С.М. Широкогорова и Г.М. Василевич и российской антропологии — В.П. Алексеева. Многолетние труды названных этнологов до сих пор опубликованы не в полном объеме, а фундаментальные антропологические исследования далеко не всегда привлекаются в работах этнологов. К примеру, важно обратить внимание на исследование тунгусо-маньчжурских групп, впервые (!) за последние годы проведенное специалистами в области физической антропологии — сотрудниками ИЭА РАН по материалам экспедиции 1979 г. [Халдеева и др., 2018]: рассматривались признаки зубной морфологии по программе А.А. Зубова, разработанной в 1960–2000-е гг. История изучения тунгусских народов, точнее, их происхождения и обитания/расселения не только не завершена, но даже не приближается к какому-либо завершению или хотя бы некоторому прояснению ситуации. Новейшие данные, например, в области физической антропологии ставят лишь новые вопросы, никак не способствуя обоснованию

Изучение северных тунгусов в академическом проекте «История Якутии»

многочисленных гипотетических теорий прежних столетий. Каждая следующая находка может изменить общую картину. Очевидно, что этническую историю и культуру эвенков и эвенов, живущих ныне на территории Якутии, не рассматривать в общем русле сложения и жизни тунгусских народов не представляется разумным. При этом, безусловно, надо учитывать специфику их регионального этнического окружения (среды обитания) на разных этапах многочисленных миграций северных пратунгусов.

Обновленной источниковой базой в изучении освоения пространства тунгусскими этническими общностями может служить именно синтез лексики и фольклора тунгусо-маньчжурских народов и археологических артефактов в тщательном сопоставлении с антропологическими и доступными архивными материалами (прежде всего богатейших архивов Якутии), многие из которых до сих пор не привлекали должного внимания. Исследование массива лексических данных, являясь чаще всего уделом лингвистов (что, конечно, естественно), нуждается в соотнесении с этнографическим/этнологическим подходом.

Финансирование. Работа публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврорин В.А.* Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 92–100.
- Аврорин В.А.* Новые исследования по языкам народностей Севера // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Т. XVI. Вып. 5. 1957. С. 472–474.
- Аврорин В.А.* О классификации тунгусо-маньчжурских языков // XXV Международный конгресс востоковедов: Доклад. М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 11 с.
- Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Ороочские тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
- Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: Железный век и эпоха средневековья. Сер.: История и культура Востока Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 95 с.
- Алексеев В.П.* Избранное: В 5 т. М.: Наука, 2008. Т. 3: Историческая антропология и экология человека. 614 с.
- Балуева Т.С.* Краниологический материал неолитического слоя пещеры Чертовы Ворота (Приморье) // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 58. С. 184–187.
- Бравина Р.И.* Кус Хоро — «страна, где зимуют птицы...»: (Приамурье и Приморский край в легендах и преданиях якутов) // Восьмые Гродековские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Становление и сохранение российской цивилизации на Дальнем Востоке России XIX–XXI вв.» / Под ред. Т.В. Мельниковой. Хабаровск: Хабаров. краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. С. 67–73.
- Бравина Р.И.* Дальневосточный культурный комплекс в зеркале этнической истории саха // Всадники Северной Азии и рождение этноса: Этногенез и этническая история саха. Новосибирск, 2014. С. 225–233.
- Ермолова Н.В.* Река в трех мирах эвенкийской Вселенной // Реки и народы Сибири. СПб.: Наука, 2007. С. 87–127.
- Кузнецов А.М.* Феномен С.М. Широкогорова: Судьба и наследие российского этнолога // Три века российской этнографии: Страницы истории. М.: Наука: Вост. лит., 2019. С. 71–91. (Из истории российской этнографии, этнологии и антропологии; Вып. 2).
- Лаврилье А.* Ориентация по реками у эвенков юго-востока Сибири и система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // ЭО. 2010. № 6. С. 115–132.
- Левин М.Г.* Древний череп с реки Шилки // КСИЭ АН СССР. 1953. Вып. 18. С. 69–75.
- Мюльман В.* С.М. Широкогоров: Некролог: (С приложением писем, фотографии и библиографии) / Пер. с нем. Д.А. Функа // ЭО. 2002. № 1. С. 144–155.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 5–14.
- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья: В 3 ч. Ч. 1, 2: Историко-археологические исследования // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. № 18. 412 с.
- Певнов А.М.* О названиях соли в тунгусо-маньчжурских языках // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1985. С. 19–35.
- Певнов А.М.* Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 64–81.
- Цинциус В.И.* (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю (СС ТМЯ). Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
- Туров М.Г.* Эвенки: Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Изд-во Амтера, 2008. 228 с.

Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Васильев С.В. К антропологии тунгусо-маньчжурских народов: (Однотологический аспект) // Известия Иркутского ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 133–151. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.133>

Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп): Пер. с англ. / Сост. и отв. ред. А.А. Сирина, В.Н. Давыдов. М.: Наука: Вост. лит., 2017. 710 с. (Этнографическая библиотека).

Ethnological and linguistic aspects of the Ural-Altaic hypothesis / By S.M. Shirokogoroff (Reprinted from Tsing Hua Journal, vol. 6). Printed at the Commercial Press, Ltd. Peiping, China, 1931. 198 p. (Библиотека Университета Тенри, Япония).

Ikegami Jirō. Uilta Kəsəni Vičixəni: A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997. 294 p.

Takakura Hiroki. Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia: (Modernity and Identity in Asia Series). Balwyn North: Trans Pacific Press, 2015. 254 p.

ИСТОЧНИКИ

Архив ИГИИПМНС (Архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера) СО РАН.

Архив Владислава Котвича. № 4600. Т. 6 (1924–1928), Л. 1–90 об.; Т. 7 (1929–1939). Л. 1–88 об. // Библиотека Польской академии наук и Польской академии знания (г. Краков).

Архивные материалы рукописного фонда ЯНЦ СО РАН.

Василевич Г.М. Эвенки: Этнографическая монография. Кн. первая. 1961. Рукопись. Л. 1–484 // Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). Библиотечно-информационный фонд документов.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)

Национальный архив РС (Я). Ф. 1457. Оп. 2. Д. 199. Л. 13–15.

Missonova L.I.

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
Leninsky prosp., 32A, Moscow, 119334, Russian Federation

E-mail: missmila@iea.ras.ru

The Study of the Northern Tungus in the Academic Project “History of Yakutia”

In this paper, it is noted that new development in the Tungus-Manchu studies has begun by the virtue of writing a three-volume work “History of Yakutia”. It was found that, as the result, a new stage of the development of the fundamental science in the field of research of the peoples of Yakutia has begun. It is emphasized that the developed concept of creating the large-volume work allowed conducting a multi-faceted investigation; new archival and other materials were drawn into research, which had not received sufficient attention previously. It is shown how, according to the concept of publishing “History of Yakutia”, in the mainstream of the history of the peoples of Yakutia, presentation of the existing material is possible not only from the point of view of the traditional ethnographic approach by each group individually and by all conventional means of subsistence of the ethnic culture. It is concluded that the development and transformation of the territory by the nomadic Tungus-Manchu Cultures was actively manifested in the expansion to the North (an example of Even-Bytantai Ulus of Yakutia can be noted) and to the East (notably, to the Far East, including the insular territory of the Russian Federation). It is noted that the Tungus-Manchu peoples of Russia fell into the category of the “northern” nations in the very course of the development of the northern territories. These nations developed a unique school of adaptation of their culture to the environmental conditions of the northern spaces. It is the vision of the Tungus history as a whole, and of the history of small Tungus-Manchu nations, in particular, as a powerful momentum that played an important role in the history of the development of the vast territories, that seems new and topical. There have been presented examples of the updated source base for the study of the development of the territory by Tungus ethnic minorities, which reveals the potential of a synthesis of the study of the vocabulary and folklore of the Tungus-Manchu peoples and archaeological artifacts, in comparison with archival materials (primarily, archives of Yakutia).

Keywords: Yakutia, Tungus-Manchu peoples, nomadic cultures, Far East.

REFERENCES

Alekseyev, V.P. (2008). *Historical anthropology and human ecology*. In: *Izbrannoe: 5 vol. Vol. 3*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Avrorin, V.A. (1957). New Studies on the Languages of Indigenous Minorities of the North. *Izvestiya AN SSSR*, (5), 472–474. (Rus.).

Avrorin, V.A. (1956). Predictive-possessive forms in Nanai and other Tungus-Manchu languages. *Voprosy yazykoznanija*, (3), 92–100. (Rus.).

Изучение северных тунгусов в академическом проекте «История Якутии»

- Avrorin, V.A. (1960). On the classification of the Tungus-Manchu languages. In: *XXV Mezhdunarodnyy kongress vostokovedov*. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoy literatury. (Rus.).
- Avrorin, V.A., Lebedeva Ye.P. (1978). *Oroch texts and dictionary*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Alekseyev, A.N. (1996). *Ancient Yakutia: Iron Age and the Middle Ages. Series: History and Culture of East Asia*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Balueva, T.S. (1978). Craniological material of the Neolithic layer of the Devil's Gate cave (Primorye). In: *Voprosy antropologii*, (58), 184–187. (Rus.).
- Bravina, R.I. (2014). Far Eastern cultural complex in the mirror of Sakha ethnic history. In: *Vsadniki Severnoy Azii i rozhdeniye etnosa: Etnogenez i etnicheskaya istoriya sakha*. Novosibirsk, 67–73. (Rus.).
- Bravina, R.I. (2015). Kus Khoro — “A country where birds hibernate...”: (Amur Region and Primorsky Territory in the legends and traditions of the Yakuts). In: Mel'nikova T.V. (Ed.). *Vos'myye Grodekovskiye chteniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Stanovleniye i sokhraneniye rossiyskoy tsivilizatsii na Dal'nem Vostoke Rossii XIX–XXI vv.»*. Khabarovsk: Khabarovskiy krayevoy muzey imeni N.I. Grodekova, 225–233. (Rus.).
- Ermolova, N.V. (2007). River in three worlds of the Evenk Universe. In: L.R. Pavlinskaya (Ed.). *Reki i narody Sibiri*. St. Petersburg: Nauka, 87–127. (Rus.).
- Ikegami, Jirō. (1997). *Uilta Kēsēni Bičixēni: A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin*. Sapporo: Hokkaido University Press. (Uilta, Japanese, Eng.).
- Khaldeeva, N.I., Kharlamova N.V., Vasil'ev S.V. K antropologii tunguso-man'chzhurskikh narodov: (Odonologicheskii aspekt). In: *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, (24), 133–151. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.133>
- Kuznetsov, A.M. (2019). The Phenomenon of S.M. Shirokogoroff: The fate and legacy of the Russian ethnologist. In: M.M. Kerimova, A.A. Sirina (Ed.). *Tri veka rossijskoj etnografii: stranicy istorii*, (2). M.: Nauka: Vostochnaya literature, 71–91. (Rus.).
- Lavrillier, A. (2010). River orientation in the Evenks of South-Eastern Siberia and the system of spatial, social and ritual orientation. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 115–132. (Rus.).
- Levin, M.G. (1953). Ancient skull from the Shilki river. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*, (18), 69–75. (Rus.).
- Mulman, V. (2002). S.M. Shirokogorov. Obituary (with Appendix of letters, photos and bibliography). *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 144–155. (Rus.).
- Okladnikov, A.P. (1941). Neolithic monuments as sources on the ethnogony of Siberia and the Far East. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury*, (9), 5–14. (Rus.).
- Okladnikov, A.P. (1950). Neolithic and bronze age of the Baikal region: In 3 vol. 1, 2: Historical and archaeological research. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, Vol. (18). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Shirokogoroff, S.M. (1931). *Ethnological and lingvistical aspect froms of the Ural-Altai hypothesis*. Commercial Press, Ltd. Peiping, China.
- Shirokogoroff, S.M. (2017). *Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and history of these groups)*. Moscow: Nauka: Vostochnaya literature. (Rus.).
- Pevnov, A.M. (1985). About salt names in the Tungus-Manchu languages. In: *Leksika tunguso-man'chzhurskikh yazykov Sibiri*. Novosibirsk: Izdatel'stvo AN SSSR, 19–35. (Rus.).
- Pevnov, A.M. (2008). Linguistic solutions to the Tungus-Manchu problem. *Voprosy yazykoznaniiya*, (5), 64–81. (Rus.).
- Tsintsius, V.I. (Ed.) (1975). *Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages: Materials for the etymological dictionary*, 1. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Takakura, Hiroki (2015). *Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia: (Modernity and Identity in Asia Series)*. Balwyn North: Trans Pacific Press.
- Turov, M.G. (2008). *Evenks: The main problems of ethnogenesis and ethnic history*. Irkutsk: Izdatel'stvo Amtera. (Rus.).

Миссонова Л.И., <https://orcid.org/0000-0002-7376-3434>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021